

a story by EVAN GRESHAM

ЭЛМВУД

ВОДА ПОМНИТ ЇСЬ

серия 1 • пробы • 1995

ПАПКА 3

18+

Evan Gresham

Элмвуд. Серия 1 пробы 1995 год

«Автор»

2026

Gresham E.

Элмвуд. Серия 1 пробы 1995 год / Е. Gresham — «Автор», 2026

Полоска почернела за секунду. Город умрёт за десять лет. Завод не остановят сегодня. Айдахо, 1995. Заместитель шерифа в туннеле под химзаводом. Инженер шепчет: «Мы все пьём эту воду». Через три дня его находят мёртвым. «Опьянение», — пишет коронер. Он не пил. Двадцать лет. Ни капли. 90 дней ЕРА «рассматривает жалобу». 4 012 домов пьют свинец — 340 ppb при норме 15. Пять кивков совета — и яд законен. Злодея нет. Мэр считает. Шериф просит «подумать о Розе». Отец выбирает: ингалятор дочери сейчас или её почки через пять лет. Каждый прав. Все вместе — могила. «Тёмные воды» Билотта, переписанные пером Маккарти. 18 глав. Один туннель. Одна секунда. Вы закроете книгу и услышите: за стеной гудит завод. Три смены. Без пауз. Вы уже пьёте эту воду. Просто никто не сказал, кто подписал разрешение. Литсериал по мотивам книги "Элмвуд, товар с пульсом", в сериале более подробно раскрывается история каждого героя и города в целом - как один город стал хабом на черном рынке органов.

© Gresham E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Двадцать вторая ступенька	11
Глава 3. Чертеж	13
Глава 4. Юридическая пустота	16
Глава 5. 90 дней	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Evan Gresham

Элмвуд. Серия 1 пробы 1995 год

Глава 1. Туннель

Сначала был звук — низкочастотный гул промышленных насосов, который не слышали уши, но чувствовали кости. Он просачивался сквозь подошвы ботинок, полз вверх по голеним и оседал тупой ноющей болью в левом плече Бенджамина Харпера, там, где сустав так и не вправили до конца после выпускного курса в академии POST под Бойсе. Бен спускался по ржавой лестнице в дренажный коллектор под химическим заводом «ESH Industries», и с каждой ступенькой воздух вокруг него густел, тяжелел, наливался той химической сладостью, которая оседает на нёбе привкусом жжёного пластика и не выходит из носа ещё часа два.

Четвёртый квартал тысяча девятьсот девяносто пятого. Совместный инспекционный обход полиции округа и OSHA. Пункт 4-В соглашения. Рутинная, которую Харпер выполнял уже в четвёртый раз с тех пор, как вернулся в Элмвуд после академии и надел форму заместителя шерифа. Три года назад он думал, что будет расследовать убийства. Вместо этого он считал трещины в бетоне и нюхал стоки.

Ступеньки были скользкими от конденсата, и перчатки скрипели на поручне каждый раз, когда он перехватывал руку.

Хлюп. Скрип. Хлюп.

Дешёвая кожа служебного ремня, который он носил три года, трещина у пряжки — единственный знакомый звук в этом чужом подземелье, где всё остальное принадлежало заводу. Луч налобного фонаря ударился о поверхность воды внизу и утонул в ней, не достав до дна. Чёрная вода стояла мёртво, поглотив свет на глубине полуметра, и на её поверхности плавала радужная плёнка мазута — тонкая, переливающаяся, как бензиновый разлив на парковке у «Сейфуэя» после летнего дождя. Обычная картина для заводских стоков. Обычная.

Харпер замер на предпоследней ступеньке, потому что запах пробивался даже через угольный фильтр респиратора. Сладковатый, прелый, с отчётливой нотой ацетона и чем-то ещё — чем-то, что он знал, но не мог сразу назвать. Старый гараж. Отцовский гараж на Мейпл-стрит, где папа двадцать два года тёр руки пемзой после смен в пожарной части и заполнял акты о возгораниях Пемза. Гараж на Мейпл-стрит. Запах жженого пластика во рту вдруг стал запахом бензина и холодной металлической стружки, отец трет руки, кожа краснеет, но пятна мазута не сходят, а ком в горле — это та же тошнота от паров ацетона прямо сейчас.

Воздух, густой от свинца и ацетона, давил на грудную клетку стальным обручем. Инструкция требовала оставаться в маске, но бетонные стены начали сужаться, надвигаясь со всех сторон. Это не был бунт против правил. Это была паника. Харпер рванул пряжки с такой силой, что треснул пластиковый хомут фильтра. Ему нужен был глоток пустоты, чтобы доказать себе, что он ещё может дышать.

Первый вдох ртом обжёг гортань. Харпер задержал дыхание, наблюдая, как луч фонаря преломляется в маслянистой плёнке на чёрной поверхности воды, искажая очертания ржавых труб. Холод бетона через подошвы ботинок медленно пополз вверх по голеним.

Вкус металла на языке. Свинцовые пары. Страница сорок семь руководства по опасным веществам: при концентрации выше трёх MCL вкусовые рецепторы реагируют первыми, потом приходит головная боль, потом рвота.

Он сполз по стене, но не рухнул всем весом — колени ударились о дно, а бедра погрузились в жижу лишь до середины. Под термобельем, плотно прилегавшим к телу, выступил липкий пот, смешиваясь с ледяным холодом коллектора. Суставы пронзила резкая судорога, которую он подавил волевым усилием, сжав челюсти до хруста. Бен Харпер, двадцати шести

лет, заместитель шерифа округа Элмвуд, замер по пояс в сточной воде и заставил себя думать о девочке с Мил-Роу, чтобы не дать панике парализовать легкие.

Семь лет. Розовый рюкзак с единорогом, оставшийся висеть на заборе.

Причина отказа гидранта — коррозия уплотнителя, дешёвая прокладка за три доллара, которую отец не заменил, потому что замена означала вскрыть линию, а вскрытие линии означало проверку, а проверка означала, что квартальный бонус пожарной части улетит в трубу.

В отчёте написали: непредвиденные обстоятельства.

Чёрным по белому: давление 3 атмосферы вместо штатных 8.

Но никто не писал про скорость. А скорость в узкой щели прорванного стыка была такой, будто вода превратилась в лезвие которое могло перерубить ребёнка пополам. Струя ударила так, что ее отбросило на забор; шея хрустнула.

Бен узнал об этом через год. Случайно. Из разговора двух соседей у забора.

Отец тогда стоял у окна и сутулился так, что левое плечо казалось выше правого. Терял в пальцах серебряный доллар. «Система несовершенна, сынок. Мы просто шестерёнки». Харпер слотнул, но ком не прошёл — застрял между кадыком и чем-то, для чего в полицейском отчете не было графы. Он не судил отца. В этом и была тошнота. Понимание мотивов убивало вернее любого яда: ты становишься тем, кого презираешь, просто чтобы выжить. Простая экономика души.

Пальцы сами нашли сонную артерию — два пальца, подушечки, привычка, которую не вытравишь из тела тремя годами службы. Пульс был быстрым и неровным. Живой. Пока ещё. Нервный тик блынул в обоих глазах — быстрое птичье движение век, — и морщина между бровей натянулась, чужая кожа на чужом лице.

Харпер медленно поднялся. Колени хрустнули, ил отпустил с влажным чавканьем.

На поясе, в кожаной петле рядом с кобурой, висела рация — старая «Моторола НТ-1000», аналоговая, шестнадцать каналов, из которых живых осталось четыре.

Заводская диспетчерская. Охрана периметра. Вентиляция. Резервный канал, который никто не проверял с восемьдесят девятого года.

Никакого федерального журнала, номера инцидента, никакой бумажной волокиты.

Только голос в эфире и шипение статики.

Харпер мог бы позвонить с телефона-автомата у въезда на завод, мог бы связаться с офисом шерифа по радиации патрульной машины, но вместо этого он нажал тангенту, пальцы сами нашли кнопку канала два. Заводской канал. воздух здесь, внизу, был густым и враждебным.

Он выбрал частоту тех, кто отравил воду, потому что их гул насосов совпадал с ритмом его собственного панического сердцебиения.

Контроль через соучастие — единственный способ не задохнуться от страха перед бетонными стенами снаружи.

Кожа скрипнула, когда он вытаскивал рацию из петли. В тишине коллектора этот звук прозвучал так, будто кто-то наступил на сухую ветку в пустом лесу.

Харпер замер, прислушался. Гул насосов. Капли. Ничего.

Тумблер. Щелчок. Шипение.

— Диспетчерская «ESH Industries», приём.

Голос женский, ровный, скучающий. На фоне гудел кондиционер, и кто-то кашлял вдалеке, офисно, необязательно. Двести метров вверх от чёрной воды, в которой плавала чья-то смерть, эта женщина пила кофе из бумажного стаканчика и смотрела на календарь с котятками на стене.

— Заместитель Харпер, офис шерифа округа Элмвуд, — сказал он быстро, проглотив окончание фамилии, как делал всегда, когда нервничал. — Совместный инспекционный обход, сектор 4-В. Мне нужен инженер по дренажным системам. Санчес. Мигель Санчес.

Пауза. Шипение. Три секунды. Пять.

— Мистер Санчес на обеденном перерыве.

— Позовите.

— Характер вопроса, заместитель?

Харпер посмотрел на воду. Радужная плёнка. Чёрная жижа. Три доллара экономии. Квартальный бонус.

— Дренаж. Превышение допустимых показателей. Нужен замер на месте.

Пауза длиннее. Семь секунд. Пальцы на тангенте побелели.

— Принято. Ожидайте на линии.

Щелчок. Тишина в эфире была не абсолютной, а живой — с треском помех, с далёким гулом трансформатора, с чем-то ещё, что могло быть чем угодно. Харпер ждал, считая секунды. Десять. Двадцать. Тридцать. Металлический привкус на языке усиливался.

На сороковой секунде в шипении появился новый слой. Не звук — призрак звука. Под статикой, на самой грани слышимости, проступил второй голос, мужской, тонкий, с другого канала, который кровоточил сквозь частоту:

— ...папка тридцать... заморозить на...

Щелчок. Шипение. Голос исчез.

Харпер нажал тангенту, отпустил, нажал снова.

— Диспетчерская, приём.

Тишина. Пять секунд. Десять.

— Диспетчерская. Ожидайте, заместитель.

Голос тот же, ровный, но кашель на фоне пропал, и гудение кондиционера тоже, и тишина в офисе стала другой — плотнее, как будто кто-то прикрыл ладонью трубку и сказал что-то в сторону.

— Санчес идёт, — сказала она наконец. — Минут сорок.

Сорок минут. Заводская проходная находилась в двухстах метрах от входа в коллектор. Лестница, коридор, комната отдыха. Сорок минут.

— Принято, — сказал Харпер и отпустил тангенту.

Щелчок. Рация вернулась в петлю.

Капли. Четыре секунды. Удар о воду. Харпер пытался считать выдохи, но горло перехватывало. Двадцать. Шаркающий звук сверху оборвал счет.

Эхо метнулось между трубами, слишком тяжелое для упавшего камня.

Потом свист. Дыхание, астматика.

Сначала асимметричный шаг, тяжёлый на правую сторону, потом силуэт в проёме лестницы.

Мигель Санчес, пятьдесят три года, двадцать лет на заводе, специалист по вентиляции и дренажу, спускался по ржавым ступеням, держась за поручень одной рукой, а второй прижимая к груди бумажный пакет с недоеденным сэндвичем.

Спецовка блестела от застарелого солидола, на шее уходя под воротник багровел шрам от кислотного ожога, правая нога была короче левой, а красные глаза слезились то ли от пыли, то ли от хронического недосыпа.

В пальцах он нервно крутил латунный свисток на шнурке — подарок дочери, — и первое, что он сделал, оказавшись внизу, это проворчал, что его оторвали от обеда.

— Согласно соглашению совместной инспекции, пункт 4-В, — начал Харпер, — обход требует присутствия профильного специалиста по дренажным...

— меня оторвали от обеда, — повторил Санчес, обращаясь не к нему, а к бетонной стене. Пакет перекочевал в карман комбинезона, свисток качнулся и ударился о пуговицу, и Санчес поймал его пальцами, зажал.

Харпер замолчал. стандарт предполагал, что инженер сам задаст вопросы.

Санчес не задал. Вместо этого он присел на корточки — правое колено хрустнуло, левое нет, и вся его фигура перекосилась, как плохо подогнанная дверь, — достал из нагрудного кармана бумажный конверт. Индикаторные полоски. Дешёвые, по четыре цента штука, завод закупал их ящиками по пятьсот в коробке, и Санчес обращался с ними так, будто каждая была предметным стеклом из лаборатории, которой у них здесь не было и не предвиделось.

— Сульфиды? — спросил Харпер.

— Сульфиды, тяжёлые металлы, хром, свинец. Всё, что бумага возьмёт.

Первая полоска ушла в чёрную жижу. Санчес держал её двумя пальцами, большим и указательным, и Харпер видел, как потрескавшаяся кожа на суставах лопается при каждом сгибе, как капля крови выступает на подушечке и растворяется в чёрном. Десять секунд. Свистящий вдох. Кончик бумаги потемнел — не пожелтел, как бывает при лёгкой примеси сульфидов, не приобрёл горчичный оттенок из учебников академии, а почернел сразу, густо, цветом мокрого асфальта, и чернота ползла вверх по полоске медленно, сантиметр за сантиметром, пожирая белое. Санчес не моргал. Харпер не моргал. Гул насосов словно отодвинулся дальше.

Пятнадцать секунд. Вторая полоска. Третья.

Санчес выкладывал их на бетонный выступ одну за другой, ровным рядом, и шелест бумаги в его пальцах звучал как перелистывание кассовых чеков в конце длинной смены. Три почерневшие бумажки. Дрожащие пальцы. Свистящий вдох. Харпер смотрел на его руки и видел, как они трясутся тем мелким тремором, который не остановить волевым усилием, и латунный свисток на шнурке ходит ходуном, бьётся о пуговицу комбинезона, отсчитывая секунды вместо часов.

— Цифровой анализатор есть в лаборатории округа, — сказал Харпер. — Можно вызвать машину, оформить цепочку учёта доказательств, отправить в сертифицированную лабораторию в Бойсе...

— В Бойсе, — повторил Санчес, и пришепётывание на «с» стало заметнее, чем обычно. Свисток крутанулся в пальцах. Вдох со свистом, длинный, с хрипом на выдохе. — Двести миль. Сертифицированная ЕРА. Форма в трёх экземплярах. Подпись, печать, тридцать дней ожидания.

Он не смотрел на Харпера. Смотрел на полоски.

— Я заполню, — сказал Харпер слишком быстро, проглотив окончание. — Согласно инструкции, если зафиксировано превышение MCL, я обязан...

— Бен.

Одно слово. Тихое. Санчес поднял голову, и красные глаза слезились, и шрам на шее побледнел, потому что кожа натянулась, когда он сглотнул.

— Это не мазут.

Пауза. Капля ударила в лужу. Ещё одна.

— Мазут так не отдаёт. Не за десять секунд. Не в три слоя. — Свисток крутанулся быстрее, латунь блеснула в луче фонаря.

— Это была их задумка, малыш. — Голос Санчеса сорвался на хриплый шёпот. Он смотрел на почерневшую полоску так, словно она была живым существом.

— Они строили слив под это. С первого дня. Господи... мы же все пьем эту воду. Все эти годы». Санчес издал странный горловой звук, похожий на икание, и выронил индикатор. Опустился на корточки, прижимая бумажный пакет к груди. Его пальцы, пытавшиеся достать сигарету из помятой пачки, ходили ходуном. Зажигалка щелкнула впустую три раза, высекая искры в маслянистой темноте, он так и не донес огонь до рта, глядя на почерневшую полоску индикатора, покачивающуюся над черной водой.

Харпер открыл рот и закрыл. Пальцы легли на сонную артерию — два пальца, подушечки, шестьдесят восемь. Нормально.

Санчес завернул полоски в носовой платок, клетчатый, выцветший, сложил в карман комбинезона и похлопал ладонью, проверяя.

— Завтра отнесу, — сказал он, и голос сел на полтона. — Наверное, ерунда.

Он не верил. Харпер видел это по тому, как большой палец инженера продолжал гладить свисток, хотя руки уже лежали на коленях.

— Обед остыл, — добавил Санчес, поднимаясь. Колено хрустнуло, хромота повела его к лестнице. — Сэндвич с тунцом. Жена будет ругаться.

Он поднимался. Шаркающий удар. Свист дыхания. Свисток молчал.

Тишина вернулась не сразу: сначала эхо шагов по ржавым ступеням, потом лязг двери наверху, потом ничего. Только капли. Четыре секунды. Четыре секунды. Четыре секунды. Харпер стоял один, по щиколотку в иле, под четырьмя метрами бетона, под заводом, под городом, который пил эту воду.

Капли оборвались.

Не постепенно, не замедляясь — сразу, будто кто-то перекрыл вентиль наверху, и тишина хлынула на место мерного стука, и собственное дыхание Харпера прозвучало чужим в этой пустоте. Запах ударил следом: ацетон, прелая резина, сладковатая гниль, оседающая на нёбе. Вода в луже стояла абсолютно неподвижно, ни ряби, ни круга, и радужная плёнка мазута застыла на ней, как глазная плёнка мёртвой рыбы. Харпер смотрел вниз, потому что смотреть больше было некуда — стены, трубы, пустота в трёх шагах, где только что копошился Санчес, — и чёрная вода смотрела на него в ответ.

Лицо. Серое. Не его.

Между бровей залегла складка, глубокая, вертикальная, такая, какую он видел у отца в последние годы службы, когда тот заполнял акты о возгорании и руки его пахли пемзой и чем-то приторным. Эта складка на лице двадцатилетнего парня выглядела инородной, будто кто-то процарапал её ногтем по сырой штукатурке. Харпер нахмурился, проверяя. Отражение нахмурилось в ответ. Стало хуже.

Холод бетона пробивался сквозь подошвы, поднимался по голени, оседал в коленях тупой тяжестью.

Вкус металла на языке. Не кровь. Пары. Свинцовые пары оседают на слизистой, и через час начнётся головная боль, а через два — рвота. Страница сорок семь. Знание не помогало. Инструкция не умела дышать за него.

Фонарь моргнул.

Луч дёрнулся, метнулся по стене, выхватив на долю секунды ржавый потёк и чей-то старый рабочий ботинок, вмёрзший в ил у трубы, и погас. Тьма была не чёрной, а коричневой, тёплой, пахнувшей тем самым гаражом на Мейпл-стрит, где Харпер в семь лет прятался от криков матери и считал трещины в потолке. Свет вернулся. Отражение тоже. Складка никуда не делась.

Харпер стоял по щиколотку в сточной воде под промышленным гигантом, и его лицо выглядело старым. Не от усталости после смены. От жизни. В двадцать шесть лет. Никакого символизма — просто констатация факта. Он поднёс руку к лицу и посмотрел на ладонь. Влажная. Грязь под ногтями. Въевшаяся. Наследственная.

Сорок минут назад Санчес сказал: наверное, ерунда. Харпер знал, что это не ерунда. Знал с того момента, как первая полоска почернела, знал с того момента, как снял маску и почувствовал запах отцовского гаража в чужом коллекторе, и это знание сидело в желудке тяжёлым камнем, и ни в одном отчете и соглашении OSHA не было графы для такого чувства. Пункт 4-B не предусматривал, что полоски почернеют.

Харпер достал рацию.

Тумблер. Щелчок. Канал два. Шипение. Тишина. Гул.

Он не нажал на тангенту — просто держал рацию в руке, чувствуя холод металла и тепло собственного тела на пластике.

Двести метров наверху кто-то пил кофе. Двести миль в Бойсе сертифицированная лаборатория ждала свои формы.

А здесь, внизу, три почерневшие бумажки лежали в кармане комбинезона человека, который хромал к лестнице и думал о сэндвиче с тунцом.

Харпер убрал рацию. Посмотрел на воду. Вода стояла.

Капля. Пауза. Капля.

Глава 2. Двадцать вторая ступенька

Ступеньки кончились не там, где должны были. Харпер считал их на спуске — двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять. Сейчас пальцы хватили воздух на двадцать второй, и ладонь ударилась о площадку с мокрым шлепком. Этот звук в ушах оглушил сильнее гула насосов, который полчаса назад вползал в кости через подошвы.

Санчес лез первым. Вернее — подтягивался. Правая рука на поручне, левая под коленом больной ноги, каждый рывок вверх сопровождался звуком: влажным, хрящевым, будто ломают куриное крыло в целлофане.

— Давай, малыш, — прохрипел Санчес сверху. Голос искаженный, жестяной, отраженный от бетонных стен шахты.

— Свет. Мне нужен свет. Харпер поднял голову. Квадрат неба. Серый, плоский, размером с ладонь. Дневной свет ударил по зрачкам. Боль была физической, словно кто-то вдавил большие пальцы в глазницы.

Харпер моргнул. Раз. Два. Слезы потекли по щекам, смешиваясь с конденсатом и грязью. На языке вспыхнул вкус железа — не свинца, не ацетона, а крови из прокушенной щеки. Последняя ступенька. Поручень. Небо.

Он вывалился на гравий обочины всем весом. Колени ударились о камни, ладони легли на асфальт, шершавый, живой. Мышцы ломила боль, но она была прекрасной, потому что означала: выбрались. Живые. Не остались в четырех метрах бетона под черной водой, где лицо в луже выглядит на сорок лет старше.

Желудок дернулся вверх. Харпера вырвало желчью — горячей, кислой, с привкусом того самого ацетона, что осел на нёбе еще в туннеле.

Спазм выдавил воздух так, что левое плечо — то самое, академическое, недовправленное — прострелило болью до кончиков пальцев.

Охранник на проходной не повернул головы.

Харпер видел его боковым зрением: будка, стекло, силуэт в форменной куртке, чашка в руке. Двести метров от туннеля. Двести метров от черной воды, где индикаторная полоска почернела за секунду.

Охранник пил кофе. Смотрел в журнал. Ставил галочки. Для него два инспектора, выползшие из дренажного люка, были частью пейзажа — такой же, как грузовики, пар, непрерывный гул завода.

Санчес тяжело опирался на капот патрульного «Crown Vic». Хрипел. Свист на выдохе стал длиннее, чем в туннеле, — не секунда, а три, четыре, пять. Каждый выдох заканчивался влажным бульканьем в глубине грудной клетки. Латунный свисток на шнурке лежал на комбинезоне неподвижно. Впервые за весь день.

Харпер смотрел на свои руки. Мазут въелся под ногти. Не пленка, не грязь — татуировка. Черные полумесяцы, кожа подушечек стала серой. Сколько ни три большим об указательный — не сходится. Это въелось наследственно. Как въелось в руки отца за двадцать два года смен. Пемза не брала. Мать кричала, что он несет грязь в дом, на кухню, на скатерть, а отец молчал и тер.

Харпер достал рацию. Пальцы дрожали. Тангента плясала под подушечкой большого пальца, металл корпуса был холодным, чужим, пахнущим тем самым туннелем.

— Они построили город вокруг трубы с ядом, — сказал Санчес. Тихо. Ровно. Как диктуют показания. Пальцы инженера нашли карман комбинезона, нащупали свёрнутые полоски. Зажали. Санчес замолчал.

Харпер промолчал. Посмотрел на свои ботинки. Вода стекала с них тёмными каплями, медленно, будто время не хотело отпускать их обратно. Он закрыл дверцу машины. Тихо. Аккуратно. Как закрывают то, что уже не открыть.

Санчес повернул голову. Медленно. Хрустнула шея.

— У меня в фургоне калька, — голос сел на полтона. Свисток качнулся, ударился о пуговицу. Один раз. — Восемьдесят четвертый год. Оригинальный чертеж. Я сравнивал три месяца. Капля конденсата сорвалась с днища машины и ударила в асфальт.

— Там подпись, Бен.

Харпер не спросил чья. Он уже знал. По тому, как инженер три месяца запрашивал архив и молчал. По тому, как дрожат руки человека, отдавшего заводу двадцать лет жизни и вдруг понявшего, что фундамент залит не бетоном.

Они пошли к фургону. Тридцать ярдов. Гравий хрустел под ботинками. Завод гудел. Охранник пил кофе.

А в кармане комбинезона Санчеса, завернутые в клетчатый носовой платок, лежали три почерневшие полоски и латунный свисток, который больше не звенел.

Глава 3. Чертеж

Мазут вьелся в подушечки пальцев ещё в туннеле. Харпер тёр большой палец об указательный, размазывая по коже чёрную плёнку, но она не сходила. В воздухе стоял запах горелого железа и той сладковатой химии, что три часа назад осела на нёбе и не отпускала.

Шариковая ручка царапала форменную бумагу. Цифры ложились криво — пальцы не слушались. Единственный свет в салоне патрульного «Crown Vic» давала жёлтая лампа под солнцезащитным козырьком. Она выхватывала из темноты только руки и бланк на коленях.

Гудок. Гудок. Гудок.

Одиннадцать минут он считал гудки завода за окном. Считать было легче, чем смотреть на индикаторную полоску, приклеенную скотчем к крышке бардачка.

Чёрная. Не серая, не жёлтая. Чёрная, как вода в том туннеле.

— Агентство по охране окружающей среды, регион десять, оператор четырнадцать. Говорите. Женский голос в радиации звучал плоско, зачитывал инструкции по бумажке.

Харпер выпрямился.

— Офицер Бен Харпер, департамент шерифа округа Элмвуд, Айдахо, номер значка четыре-семь-один. Фиксирую первичное обращение по факту обнаружения несанкционированного сброса промышленных отходов в дренажную систему реки ЭШ. Координаты...

— Сэр, вам необходимо заполнить форму 3-D-8.

— Я диктую. Согласно разделу 4-B протокола первичного...

— Форма 3-D-8. В письменном виде. Факсом на номер регионального офиса. Срок рассмотрения — девяносто дней с момента регистрации.

Ручка остановилась. Кончик стержня продавил бумагу, и на форме расплылась жирная чёрная точка.

— Девяносто дней.

— Девяносто календарных дней, сэр. Без учёта федеральных праздников. Продиктовать номер факса?

Пальцы потянулись к шее — и замерли на полпути. Подушечки скользнули по коже, вернулись, надавили. Семьдесят два. Или семьдесят три. Сбился.

— Диктуйте.

Она диктовала. Цифры, буквы, код региона. Харпер записывал, и ручка скребла по бумаге, как ноготь по школьной доске. Мазут на пальцах размазывался по строчкам, и цифры тонули в чёрных отпечатках.

Где-то за лобовым стеклом гудел завод — низкий гул, который шёл через асфальт, через колёса, через рулевую колонку прямо в ладони.

Отец тоже писал. Той зимой, после Мил-Роу. Сидел на кухне под такой же жёлтой лампой и заполнял бланки. Объяснительные. Отчёты. Гидрант. Девочка. Семь лет. Имя он не помнил — помнил только, что отец писал и писал, а потом сложил бумаги ровной стопкой и ушёл в гараж. Мама кричала. Бен стоял в коридоре босиком. Линолеум был ледяным. И пахло...

— Сэр? Вы записали номер?

— Да. Голос сорвался. Проглотил окончание, как всегда, когда пытался доказать свою правоту. Воздух в салоне стал густым от мазута и выхлопа. Лампа гудела на одной ноте, точь-в-точь насос в туннеле.

Харпер понял вдруг, почему отец так яростно выводил свои закорючки. Ручка была единственным инструментом, который ему оставили. Единственное, что можно было делать, когда гидрант уже не работал, а девочка лежала в земле.

Писать. Заполнять. Фиксировать. Царапать бумагу, пока пальцы не почернеют.

— Регистрация обращения присваивается после получения формы по факсу. До подтверждения статус — предварительный. Повторное обращение возможно не ранее чем через тридцать...

— Я понял. Харпер положил трубку. Не бросил. Положил аккуратно, как отец клал бумаги на кухонный стол.

Лампа погасла — сработал таймер. Салон утонул в темноте, остался только гул завода за стеклом, низкий и ровный, как дыхание спящего животного. Вибрация шла через сиденье в позвоночник, в затылок, в зубы. Завод дышал. Завод работал. Завод не останавливался на девяносто дней. Ручка лежала на форме. Цифры расплылись. Мазут сожрал их дочиста.

Бен смотрел на свои руки. Жилистые, мокрые, чужие.

Отец заполнил объяснительную и спал потом. Спал. Харпер знал это наверняка — слышал храп через стену, ровный, спокойный, как у человека, который сделал всё правильно. Который заполнил форму. Он потянулся к ключу зажигания. Пальцы нашли металл. Ледяной. Даже после трёх часов в закрытой машине — ледяной, как тот линолеум в коридоре, как... Мысль оборвалась. Что-то в горле сжалось, будто глотнул той воды из туннеля. Сладкой. Чёрной.

Харпер сидел. Завод гудел. Ручка каталась по форме от вибрации — вперёд, назад, вперёд, назад, — вычерчивая на бумаге тонкую бесцветную линию, которую никто никогда не прочтёт. Никто не звонил.

Мятные леденцы пахли так, будто их неделю держали в кармане. Сигаретный дым осел на потолке фургона серой плёнкой, которую не брал даже сквозняк из приоткрытого окна. Санчес разложил кальку на верстаке, прижав углы двумя болтами и банкой из-под кофе «Folgers».

Жёлтый луч аккумуляторного фонаря лёг на чертёж, выхватывая из темноты синие линии коллектора.

Свет фонаря мигнул, сузившись до тонкой желтой нити, и тени в фургоне стали глубже. Шуршание плотной бумаги под ногтями звучало оглушительно громко, как треск сухого дерева в тишине ночной просеки.

Фургон стоял в тридцати ярдах от южной стены завода, двигатель заглушен. Единственным звуком было сухое шуршание плотной бумаги под ногтями Санчеса да его собственное дыхание, хрипловатое, с присвистом, как у астматика.

Харпер сидел на пассажирском сиденье, спиной к двери, и смотрел. На руки Санчеса. Потрескавшиеся костяшки, шрам от ожога, уходящий под воротник, пальцы, которые двигались по линиям с уверенностью хирурга, но с осторожностью человека, трогающего оголённый провод. Латунный свисток на шее инженера покачивался в такт движениям и позвякивал — тихо, мелко, как зуб о зуб на морозе.

— Вот этот участок, — Санчес ткнул ногтем в пересечение двух магистралей. — Модификация девяносто первого года. Я запросил архив ещё в марте. Думал, стандартная врезка под новый насос. Ну, знаешь, как когда меняешь сифон под раковиной и не хочешь ломать стену.

Он говорил быстро, глотая окончания, и Харпер узнал этот темп — так Санчес тараторил, когда цифры были просто цифрами, а задача оставалась задачей.

— А потом?

— А потом я сравнил с оригиналом. Восемьдесят четвёртый год. Рой Эшленд-старший подписывал.

Калька зашуршала. Санчес развернул второй лист, фонарь мигнул — батарея садилась. Жёлтый свет сузился, тени в фургоне стали глубже, плотнее. Запах мятных леденцов смешался с теплым воздухом нагретой лампы.

— Смотри сюда. Палец Санчеса обвёл линию.

Карандашная пометка, старая, вдавленная в кальку так, что бумага истончилась. Линия шла от основного коллектора в обход фильтрационной станции и уходила напрямик в дренаж-

ный туннель. Не ответвление или аварийный сброс. Полноценная магистраль, нарисованная и подписанная.

— Труба в обход фильтра, — сказал Санчес. Голос сел. — Так нарисовано. Не сломалось. Не износилось. Кто-то сел за кульман и провёл линию. Вот здесь. Вот этой рукой. Он постучал ногтем по подписи в углу чертежа.

Харпер наклонился. Буквы выпвели, но читались: R. Ashland Jr. — Project Eng.

— Рой Эшленд-младший, — произнёс Санчес, и голос его сорвался на последнем слоге, как ржавая петля. Пальцы, лежавшие на кальке, задрожали — мелко, неконтролируемо. Свисток на шее зазвенел чаще.

— Он сейчас на заводе. Каждый день. Кабинет на третьем этаже, окно выходит на парковку. Я вижу его свет, когда уезжаю в одиннадцать. Харпер не ответил. Он смотрел на дрожащие пальцы инженера и считал.

Дыхания. Вдох. Выдох. Свист. Вдох. Человек, который три часа назад в туннеле рассуждал об архитектуре ровным голосом, теперь не мог удержать лист бумаги.

Страх пах не химией. Страх пах мятными леденцами и холодным потом.

— Бен. Санчес поднял глаза. Красные, воспалённые, с лопнувшими капиллярами. В жёлтом свете они казались двумя тлеющими углями.

— Это не утечка. Посмотри на линию, Бен. Идеальная. Ни дрожания руки. Сухой след рапидографа. Тот, кто чертил, прямо любовался своей работой. А на людей ему было плевать. Лишь бы смету не раздуть.

Фонарь мигнул второй раз. Погас.

Фургон утонул в темноте.

Санчес дышал. Харпер слышал каждый вдох.

Он повернул голову к окну. Завод стоял в ста ярдах, чёрный и монолитный, без единого горящего окна. Проекторы на крыше были выключены — ночная смена начиналась в два, а часы на приборной панели показывали десять четырнадцать.

Четыре часа пустоты. Четыре часа, когда здесь никого не должно быть.

У боковой двери технического персонала что-то шевельнулось. Харпер прижался лбом к стеклу. Холод обжёг кожу. Силуэт различить не удалось — только тёмная масса у самого косяка.

Внезапно в дальнем конце, за сетчатым забором, сухо щелкнула зажигалка ночного сторожа, и оранжевый огонек на мгновение выхватил из темноты бетонный столб

Дверь закрылась.

Санчес за спиной перестал дышать. Свисток замолчал.

— Мигель, — сказал Харпер, не оборачиваясь. — У тебя один ключ от этой двери.

Тишина.

Капля конденсата упала с потолка фургона на кальку, размывая карандашную линию.

Санчес не ответил. Харпер смотрел на тёмный проём, где секунду назад мигнул красный значок сигнализации.

До прихода ночного сторожа оставалось четыре часа.

Ключ Санчеса лежал на верстаке, в трёх футах от его дрожащих рук.

Никто в этом фургоне не мог сказать, был ли он там вчера.

Глава 4. Юридическая пустота

Пробирки были ледяными. На стекле выступила испарина. Харпер выстроил их на столе лейтенанта Кросса — три штуки, с ладонь между ними, как учили в Бойсе: «Контейнеры не касаются друг друга». Стекло стукнуло о ламинат. Три глухих удара. Кросс смотрел в стол.

Гул люминесцентных ламп резал слух одной нотой. Харпер моргнул. Дважды, быстро. Инструктор бы заметил. Он замечал всё.

Кросс снял колпачок с дешёвой пластиковой ручки. Цвет синий, надпись «*Sheraton Boise*» стерлась до пятна. Движение было медленным, почти ритуальным. Так священник открывает требник перед отпеванием.

— Форма 3-D-8, — голос Кросса был ровным, без единой трещины. — В письменном виде. Факсом. Региональный офис. Срок рассмотрения — девяносто рабочих дней.

Харпер глядел на его макушку. Редеющие волосы. Сквозь них просвечивала кожа — розовая, живая. Пахло дешевым лосьоном и усталостью.

— Пробы... — голос Харпера сорвался. Он сглотнул ком. — Тяжёлые металлы. Хром. Свинец. Превышение в три MCL. Индикаторная полоска почернела за секунду, лейтенант. За одну.

Кросс поднял глаза. Выцветшая голубая джинса. Взгляд не злой. Не равнодушный. От этого становилось только хуже — понимающий. Глаза человека, который ставил такие же пробирки на такой же ламинат. Слышал тот же севший голос. И знал финал.

— Цепочка сохранности, — сказал он.

Одно слово вытеснило из кабинета все остальные. Не «пробы». Не «свинец». Не девочка с Мил-Роу, которую струёй воды ударило о забор из-за трёхдолларовой прокладки. Для федералов это слово весило больше, чем вся отравы в реке ЭШ.

— Вы вошли в туннель без офицера ЕРА, — продолжал Кросс.

Ручка щёлкнула. Раз. Два. Он катал стержень между пальцами.

— Без пломбы с уникальным номером. Без журнала передачи. Без двух независимых свидетелей при заборе. — Он откинулся в кресле, скрипнув кожей. — Любой адвокат «ESH Industries» порвёт это в суде за четыре минуты. Не потому что анализы лгут. А потому что между ржавым ведром в ваших руках и этим столом существует юридическая пустота.

Харпер остался стоять. Спина прямая.

— Чтобы доказать вину гиганта, мало найти яд в реке. Нужно доказать, что этот конкретный яд попал в эту конкретную пробирку законным путём. Каждое звено. Каждая подпись. Иначе — нет доказательств. Есть мёртвая рыба, которую завтра прибьёт к берегу. А рыба молчит.

За окном лил айдахский дождь. Мелкий, серый, заметающий следы шин.

Харпер видел, как час назад по трассе прошла колонна «ESH Industries». Четыре машины, натянутые тенты. Вывозили породу. В карстовую воронку за северной границей округа. Он видел. Но глазам нельзя дать расписаться в журнале или поклясться на Библии.

Кросс подтолкнул бланк через стол. Бумага прошуршала по ламинату и остановилась у локтя Харпера.

— Заполняй. Дата забора. Координаты. Два свидетеля, готовых явиться в Солт-Лейк-Сити. — Пауза. Ручка легла на стол. — Если найдёшь.

Харпер взял бумагу. Она была тёплой от лампы. Его пальцы — ледяными. Мазут под ногтями оставил чёрные разводы на белом поле. Цифры, которые он выводил, тонули в грязи, расплывались. Как в том туннеле. Как в гараже отца. Как в актах о возгорании, которые отец заполнял ночью под жёлтой кухонной лампой, а потом шёл спать. Храпел ровно. Как человек, выполнивший свою работу.

Кросс смотрел на него. Молча. С тем выражением, с каким смотрят на тонущего, зная, что спасательный круг уже привязан к пирсу. Только верёвка оказалась на три фута короче.

— Для федералов этих проб не существует, Бен, — тихо произнёс лейтенант. Окончательно. Так закрывают дверь. Ставят печать «непредвиденные обстоятельства».

Харпер положил ручку. Не бросил. Аккуратно. Как отец клал счета на кухонный стол. Пробирки стояли в ряд. Внутри плескалась вода цвета старой латуни. Та самая, из которой пьют четыре тысячи двенадцать домохозяйств. Та самая, где почернела полоска. Юридически её не существовало.

Кросс надел колпачок. Щелчок.

— И ещё, Бен. — Голос стал плоским, как звук факса. — Шериф Бойд звонил десять минут назад. Просил передать: папка тридцать три зарезервирована. Ждёт.

Харпер промолчал. Дверь открылась и закрылась с тупым лязгом. В коридоре гудели лампы. Дождь за окном смывал следы. А на столе лейтенанта три пробирки медленно нагревались.

Испарина высыхала. Вода цвета латуни переставала быть ледяной. Через девяносто дней кто-то в Вашингтоне откроет форму 3-D-8 посмотрит на дату, на прочерк в графе «свидетели» и поставит штамп. Отказ.

А завод будет гудеть. Заводы не останавливаются на девяносто дней.

Глава 5. 90 дней

Ладонь Бена ещё лежала на папке, когда факс за спиной щёлкнул первый раз. Он не обернулся. Пальцы сами отсчитали сигналы: один, два, три. Термобумага поползла из щели с сухим шорохом, и запах нагретого пластика ударил в ноздри раньше, чем глаза поймали текст. Пластик пах паяльником из школьного воркшопа, канифолью, тем самым кабинетом на втором этаже средней школы Элмвуда, где мистер Доути учил их паять схемы и говорил, что прибор не врёт, если правильно откалиброван. Бен повернул голову.

Лист лежал в лотке, свёрнутый гармошкой. Шапка ЕРА. Герб. Номер входящего. Дата — вчерашняя. Харпер потянулся к бумаге, и ноготь большого пальца оставил на термослое белую царапину. Первый абзац: принято к рассмотрению. Второй: регистрационный номер. Третий: девяносто рабочих дней.

Бен перечитал. Цифра не изменилась. Девять. Ноль. Он провёл подушечкой по строке, будто мог стереть лишний ноль, как стирают графит с кальки. Бумага ещё хранила тепло машины. Девяносто дней. Санчес кашлял кровью в раковину третью неделю. Индикаторная полоска в туннеле почернела за одну секунду. А здесь, на этом тёплом листе, чей-то палец в Вашингтоне нажал «отправить» и поставил его город в общую очередь — между жалобой на свалку в Огайо и просьбой проверить скважину в Монтане.

Желудок дёрнулся вверх. Харпер шагнул к раковине трейлера. Край эмали врезался в живот через рубашку. Он открыл кран, вода ударила в нержавейку с жестяным звоном, и этот звук на секунду перекрыл жужжание факса, всё ещё пережёвывавшего хвост листа. Бен поставил ладони. Ледяная. Из скважины. Из той самой. Он плеснул в лицо, не закрывая глаз, и капли потекли по подбородку на форменную рубашку, оставляя тёмные пятна на груди. На корне языка осел привкус металла.

Факс замолчал. Тишина накрыла трейлер целиком. Ни гула насосов, ни скрипа кожи — только его собственное дыхание, рваное, со свистом в переносице. Капля сорвалась с крана. Ударил в дно раковины. Ещё одна. Бен смотрел, как вода уходит в слив.

Лист лежал на полу. Он не помнил, как бросил его. Термобумага остывала, сворачиваясь краями внутрь. Девяносто дней. Бен произнёс это вслух, и слово вышло плоским, канцелярским, из чужого устава. Голос сорвался на третьем слоге.

Кран шипел, плюясь ржавчиной. Харпер закрыл воду.

Где-то за стеной, в трёх милях к северу, завод сбросил очередную порцию пара в небо Элмвуда.

Харпер смотрел, как вода в раковине постепенно розовеет от размазанного под ногтями мазута. Он не двигался.

Ладонь Бена всё ещё лежала на папке. Бойд смотрел на неё. Стекланный левый глаз не моргал, не слезился, отражал потолочную лампу маленьким белым кружком. Живой правый глаз шерифа бегал по лицу Харпера, выискивая, куда надавить.

— Согласно пункту 4-В внутреннего регламента, — начал Бен. Голос сорвался на «бэ». Он сглотнул. Кадык дёрнулся. — Рапорт передаётся в окружную лабораторию в течение сорока восьми часов. Я подал его вчера. Сорок восемь часов, шериф.

Бойд щёлкнул языком. Звук вышел мокрый, тяжёлый — язык отклеился от нёба с чмоканьем, как подошва ботинка от сырого линолеума. Шериф откинулся в кресле.

— Бенни.

— Бен.

— Бенни, — повторил Бойд, и гласная растянулась, как жвачка между зубами. — Ты мне тут цитируешь. Пункты. Буквы. А я тебе про людей говорю. Четыре тысячи меню. Завтра. Понимаешь разницу?

Бен понимал. Именно это понимание жгло под рёбрами. Он сжал пальцы на папке. Картон врезался в подушечки.

— Пробы в туннеле почернели за секунду. Индикаторная полоска. Одна секунда, шериф. Это не отклонение в пределах нормы. Санчес сказал: катастрофа.

— Санчес сказал.

Бойд произнёс это ровно, без вопроса, без удивления. Обыденно. Живой глаз прищурился. Стекланный смотрел сквозь Бена, в карту округа на стене, в никуда.

— Санчес исчез, Бенни. Просто растворился. Сегодня утром не вышел на смену. Его фургон стоит пустой на стоянке у мотеля, ключи внутри, дверь не заперта. Никто не знает, где он. Патрульные прочесывают трассу, но пока пусто. Бенни.

Вентилятор под потолком крутил лопастями. Скрип. Скрип. Скрип. Тень от лопастей полосовала лицо Бойда на четыре части, и в каждой четвёртой части стекланный глаз блестел отдельно.

Бен открыл рот. Закрыл. Проглотил воздух.

— Рапорт. Сорок восемь часов. Я имею право...

— Ты имеешь право подать рапорт. — Бойд подался вперёд. Кресло крякнуло. Ладонь шерифа легла на папку поверх пальцев Бена. Тяжёлая, влажная от пота, пахла табаком и железом. Пальцы не сжались. Просто легли, придавив картон к столешнице всей массой. — И я имею право его принять. Или не принять. Или принять и положить вот сюда.

Свободная рука Бойда потянулась к ящику стола. Замок щёлкнул коротко, сухо. Ящик выдвинулся на три дюйма. Внутри лежали другие папки. Много. Белые корешки. Номера. Тридцать. Тридцать один. Тридцать два.

— Папка тридцать три, — сказал Бойд. — Твоя. Красивая цифра. Христос, говорят, столько прожил.

Бен дёрнул руку. Ладонь Бойда не сдвинулась. Фундамент. То, на чём стоит здание, и здание это давило всей массой: четырьмя тысячами меню, пенсией шерифа, налоговой базой, кредиторами мэра. Бен чувствовал этот вес кожей, каждым квадратным сантиметром тыльной стороны ладони, прижатой к картону.

— Отпустите.

— Бенни. Послушай старого дурака.

Бойд наклонился ближе. Дыхание ударило в лицо Бена — влажное, тёплое, с привкусом табака и мятной жвачки, которой шериф перебивал запах. Грудь ходила ходуном под форменной рубашкой. Пуговица на вороте натянулась. Харпер почувствовал кислый запах его дыхания, смешанный с ветром работающего вентилятора под потолком.

— Ты позвонишь в Бойсе. Они пришлют форму семь-дэ. Срок рассмотрения — девяносто рабочих дней. Ты это знаешь. Я это знаю. Санчес знал. Девяносто дней, Бенни. Зима придёт раньше. Люди хотят есть зимой. Не через девяносто дней. Зимой.

— Дети пьют эту воду.

— Дети едят. Пока.

Бойд убрал ладонь. Медленно. Пальцы отклеились от картона с влажным звуком. Папка скользнула по столу. Бойд подтянул её к себе, открыл ящик, положил между тридцать второй и тридцать четвёртой. Замок щёлкнул.

Бен смотрел на ящик. Вертикальная морщина между бровей стала глубже. Он моргнул. Оба глаза. Быстро. Ещё раз. Тик. Инструктор в академии Бойсе говорил: «Курсант Харпер, вы моргаете, когда не знаете, что сказать».

— Я подам повторный.

— Подавай.
— Завтра.
— Завтра я на рыбалке.
— В пятницу.
— В пятницу совет. Мэр будет. Четыре тысячи меню, Бенни. Не забывай цифру. Круглая. Бен повернулся.
Дверь кабинета закрылась. Не хлопнула. Лязг. Тупой. Окончательный.

Бен вышел в коридор, и тяжелая дверь отрезала его от кабинета. Он шагнул к окну в конце холла, достал значок и нацарапал острым краем цифры "90" на толстом слое пыли на подоконнике. Один раз. Резко.

За дверью тишина держалась ровно четыре секунды. Потом дисковый телефон Бойда зазвонил. Дребезг, металлический, старый. Молоточек бил по чашке, и звук шёл сквозь дерево, сквозь краску, сквозь спину Бена, и каждый удар звучал чуть выше предыдущего.

Бен не обернулся. Шагнул вперёд. Коридор проглотил звук.

Кресло скрипнуло. Скрип был ровный, деревянный, с той нотой, которая появляется на третьем году жизни мебели, когда волокна уже знают вес тела и жалуются по привычке. Бен качнулся вперёд. Скрип. Назад. Скрип. Подушечки пальцев впились в подлокотники. Лак под ними был тёплый, нагретый утренним солнцем, пробившимся сквозь москитную сетку на окне трейлера. Сетка делила мир на квадраты. Завод за дорогой — на сорок восемь. Ворота — на шесть. Седан — на четыре.

Двигатель не глушили. Рокот шёл низкий, утробный, с подвыванием на холостых — не тот, что издаёт пикап соседа-фермера, а гладкий, масляный, какой бывает у машин, которые не покупают в салоне, а получают. Бен прижался лбом к стеклу. Стекло холодило изнутри, будто трейлер стоял не в Элмвуде, не в девяносто пятом, а в подвале, где время не двигается.

Пыль висела в луче. Мелкая, сухая, айдахская, та самая, что оседает на подоконнике к обеду и которую мать Бена вытирала влажной тряпкой каждое воскресенье, пока он был маленький. Пылинки кружились медленно, по часовой стрелке, и каждая ловила солнце на долю секунды, вспыхивала, гасла. Сорок восемь квадратов. Сорок восемь маленьких вспышек в одном луче.

Бен следил за ними, потому что смотреть на седан было больше.

Седан стоял у ворот. Чёрный. Длинный. Тонировка в круг, включая лобовое, и это в Айдахо, где фермеры ездят с открытыми окнами, потому что кондиционер жрёт бензин, а бензин стоит денег. Номера на багажнике Бен не мог прочитать с сорока ярдов, а бинокль лежал в ящике у кровати, и встать за ним означало отойти от окна, а отойти от окна означало признать, что седан может исчезнуть, пока Бен делает три шага.

Кресло скрипнуло само, от вибрации. Рокот двигателя шёл по земле, по фундаментным блокам трейлера, по алюминиевому полу, по ножкам кресла, по позвоночнику. Верхние резцы отозвались мелкой дрожью, невидимой глазу, но слышной внутри черепа, как гул трансформатора, который перестаёшь замечать только тогда, когда его выключают.

Тонировка не отдавала. Бен щурился, прижимался ближе. Стекло трейлера запотевало от дыхания. Он протирал его рукавом. Запотевало снова. Протирал. И каждый раз, когда ткань уходила с поверхности, седан был на том же месте. Тот же угол капота. Та же полоска хрома на бампере, ловящая солнце и отправляющая зайчик прямо в окно трейлера, в глаз, в сетчатку.

Он отступил на шаг. Пол скрипнул. Кресло качнулось от воздушной волны. Бен стоял в центре трейлера, в трёх футах от окна, и смотрел на стекло. Сетка. Пыль. Завод. Седан. Всё

на месте, всё в квадратах. Но теперь между ним и машиной был воздух, три фута воздуха, и эти три фута не защищали. Защищало стекло. Защищала сетка. Защищала стена трейлера. А три фута воздуха были ничьи.

Рокот внезапно оборвался. Звук заглохшего двигателя срезало так чисто, что на секунду показалось, будто заложило уши. В наступившей ватной тишине звук капающей в раковину воды стал оглушительным, а затем первая капля ударила о металл в идеальной синхронизации с секундной стрелкой часов над дверью.

Бен сглотнул. Кадык дёрнулся. На корне языка осел привкус металла. Не свинца из скважины. Другой. Новый. Привкус чужого присутствия, который тело распознаёт раньше мозга, как собака распознаёт запах хозяина за дверью.

Ворота завода не открывались. Никто не выходил к седану. Охранник в будке не поднял головы. Машина стояла у закрытых ворот, как стоят у двери, в которую не стучат, потому что знают: откроют сами.

Бен ждал. Седан ждал. И оба знали, что третий — тот, за тонировкой, — ждёт дольше обоих.

Бен кивнул. Кивок вышел механический, шейный, как у болванчика на приборной панели отцовского Ford. Подбородок упал. Поднялся. Бойд уже поворачивался к двери.

Дверь закрылась. Тяжело. Звук прошёл не через уши, а через грудную клетку, через рёбра, через то место под ложечкой, где утром ещё была желчь, а теперь осталась только пустота.

Трейлер встретил вечерней тишиной. Густой. Той, что скапливается в углах за день, как пыль на подоконнике, и которую некому разогнать, потому что никто не придёт. Бен стоял у двери. Спина к алюминию. Холод стены пробивался через рубашку, и этот холод был единственным, что держало его вертикально.

Бен наклонился. Медленно. Позвонок за позвонком. Дешёвая кожа, новая, не разношенная, жаловалась на каждый градус сгиба громче, чем у Бойда, громче, чем у любого ветерана в участке, потому что Бен был здесь чужой, и кожа это знала.

Ладони легли на раковину. Нержавейка, нагретая за день солнцем, но внутри, под верхним слоем, ледяная, как вода из скважины. Привкус свинца. Привкус архитектуры.

Он открыл кран. Вода ударила в дно раковины. Жестяной звон. Капли разлетелись. Бен смотрел, как струя бьёт в металл, как вода уходит в слив, и этот звон был единственным звуком в трейлере, единственным доказательством, что стрелка на часах над дверью ещё двигается, что девяносто дней ещё не начались.

Девяносто дней. Бен произнёс это вслух. Голос вышел плоский, канцелярский.

Девяносто рабочих дней. Четыре тысячи меню. Зима. Санчес мёртв. Папка тридцать три. Стекланный глаз Бойда, который не слезится, потому что стекло не умеет плакать.

Руки погрузились в воду. Холод обжёг пальцы. Бен держал ладони под струёй, и вода текла между пальцами, и каждый палец был отдельно, и каждая капля была отдельно, и весь мир сузился до этой раковины, до этого металла, до этого звука, который не требовал ответов, не требовал звонить в Бойсе, не требовал быть Харпером или Беном. Только стоять. Держать руки под водой. Пока вода не станет тёплой. Пока металл не перестанет холодить. Пока трейлер не стемнеет настолько, что отражение в раковине исчезнет и останется только звук.

Звон. Звон. Звон.

Бен не закрывал кран. Отражение дрожало на поверхности воды. Лицо. Морщина между бровей. Вертикальная. Глубокая. Неестественная для двадцати шести лет. Бен смотрел на неё,

и она смотрела обратно, и ни один из них не моргал, потому что моргать означало признать, что время идёт, что девяносто дней уже тикают в Вашингтоне, в чьём-то кабинете, под чьей-то рукой, которая не дрожит, которая не пахнет озоном и бетоном.

Вода текла. Бен стоял. Трейлер темнел. И ни один из них не знал, что будет, когда кран закроется.

Глава 6.

Четыре тысячи меню ЧАСТЬ 2

Вызов пришёл на четвёртый день. Пейджер. Префикс мэрии. Три слова на экране: явиться. Кабинет. Немедленно. Бен закрыл кран. Звон оборвался. В раковине осталась только тишина и серый след мазута на эмали. Куртка. Ключи. Двадцать минут по прямой до ратуши.

Антисептик ударил в ноздри раньше, чем свет обжёг сетчатку. Резкий больничный дух с лимонной отдушкой не скрывал, а выпячивал гниль застоявшегося воздуха — того самого, что копится в зданиях с заколоченными окнами. Харпер моргнул дважды. Люминесцентные трубки гудели на одной ноте, тонко, как комар, и этот звук забивал черепную коробку плотнее, чем гул насосов в туннелях Реки ЭШ. Там вибрация шла снизу, через бетон и ил; здесь — свисала с потолка из белых пластиковых коробов, и от неё сводило зубы.

Линолеум под ботинками скрипнул раз, громко. Он провёл ладонью по деревянной панели коридора: дуб, лакированный, гладкий, тёплый от батарей, которые топили даже в октябре, — городские здания в Айдахо строили капитально, термостатам здесь не доверяли. Под пальцами — ни трещины, ни занозы, ни жирной плёнки со стен туннеля на глубине четырёх метров. Контраст резанул по нервам. Бен отёрнул руку, посмотрел на ладонь. Грязь под ногтями — серая, вьёвшаяся, с рыжими прожилками ржавчины — выглядела здесь чужеродно, как мазок мазута на хирургическом халате.

Фотографии на стенах шли рядами в одинаковых ореховых рамках: открытие детской площадки, восемьдесят девятый; перерезание ленточки у нового крыла больницы. Мэр Вилсон — моложе, без пигментных пятен на руках — держала ножницы и улыбалась в объектив. Улыбка не доставала глаз. Даже тогда. Харпер остановился. За спиной Вилсон стояли люди, которых он узнавал: отец Санчеса, владелец заправки на Третьей, шериф Бойд без повязки на левом глазу. Все смотрели в камеру. Город, которого больше не существовало, молчал с четырёх стен коридора.

Кондиционер выдохнул холодом из решётки над головой. Бен повёл плечами — левое дёрнулось выше правого, старая академическая травма. Под рубашкой кожа была липкой, не от жары, в кабинете было прохладно, а от нервного потоотделения, смешанного с плёнкой растворителей из раздевалки отделения. Она сидела в порых, пахла сладко, химически. Он сделал ещё шаг, и линолеум снова скрипнул. Где-то за стеной щёлкнул факс, выплёвывая бумагу, — сухой, механический, равнодушный звук на секунду перекрыл гудение ламп. Харпер не обернулся: смотрел на свои руки, на грязь, на лакированный дуб.

Если в коридоре мэрии пахло лимоном и хлоркой, то чем воняло там, внизу, где вода чернела полоску за секунду? И чем несло от него самого — от рубашки, от волос, от кожи, — пока он шёл сюда, мимо заправки и церкви, мимо людей, которые кивали ему и не морщились? Бен сунул руки в карманы; пальцы нащупали смятый бланк.

Бумага была влажной.

— Сахар?

Голос мэра заставил его вздрогнуть. Харпер не ответил. Кожаное кресло скрипнуло, когда он подался вперёд, и звук утонул в бульканье кофе. Вилсон налиwała медленно — тонкая струйка из фарфорового носика в чашку с золотой каёмкой, — и рука её была твёрдой. Пигментные пятна на тыльной стороне ладони походили на брызги ржавчины на мраморе.

— Я спросила про сахар, офицер.

— Нет.

Она поставила чашку перед ним. Блюдце стукнуло о столешницу — раз. Аромат ударил в ноздри: горячий, сладковатый, с горчинкой пережжённого зерна. Этот запах был настолько чужим в кабинете, где пахло антисептиком и старой бумагой, что Бен сглотнул. Во рту стоял металл. Кофе пах чьей-то кухней, чьим-то утром без туннелей и чёрных полосок.

Вилсон села — спина прямая, позвоночник не касался спинки кресла ни на миллиметр. Бен почувствовал, как его собственные плечи подались вперёд, сутулясь, и выпрямился. Кресло скрипнуло снова.

— Вы выглядите усталым, Бен.

— Я подал рапорт три дня назад.

— Да. — Она размяла указательный палец: первый сустав, второй. Щелчок был почти неслышным. — Шериф Бойд упоминал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.